

УДК947:947(575.2)084:9(С)К

ТРАЙБАЛИЗМ И ИНТЕГРАЦИЯ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Б. Болтонова

Раскрывается проблема совместимости родовой идентификации с современным интеграционным развитием Кыргызстана. Предлагается рассматривать трайбализм как объект культурного наследия.

Ключевые слова: трайбализм; кумовство; кланы; родовая идентификация; родство; интеграция; идеология; политическая элита.

Изучая историю советского общества, его развитие и детерминированность, мы сфокусировались на исследовании формальных институтов и организаций: на государстве, классах, партиях, институтах семьи. А вместе с тем, формам организаций, свойственным восточным обществам, Советы практически не уделяли внимания. Исследование бывших советских государств ограничивалось изучением этнической истории как стратегически важного знания геополитики и дипломатии. Изучение местных традиций, норм, обычаев, уклада жизни, менталитета коренного населения не было должным образом освещено. Кроме того, инициатива представителей коренного населения в углубленном изучении своей истории: традиционной структуры и уклада прошлого, общественных норм и отношений, очень часто пресекалась. Малейшее возвышение или предпочтение своего национального наказывалось очень жестоко, вплоть до игнорирования обществом. Такое однополярное изучение общества и его истории не дало всецело изучить и охарактеризовать внутреннюю структуру общества, а тем более происходящие с ним изменения. На наш взгляд, это можно объяснить лишь ошибочным идеологическим представлением Советов о методах управления национальными окраинами. Возможно, такое одностороннее изучение нашего общества и привело к таким конфликтам и последствиям, отразилось на современном развитии государств. Отметим, что в западной историографии проблема изучения кочевых обществ является наиболее исследованной.

Период образования суверенных государств на постсоветском пространстве способствовал выработке нового интеграционного, модернизированного мышления советских граждан. Не исключено, что этому предшествовали и реформы М. Горбачева, доступность западного мира с его альтернативными подходами в различных областях науки

и демократическим либерализмом. Это дало возможность по-новому взглянуть на гражданское общество, выработать определенные стратегии дальнейшего сосуществования в мировом масштабе. В первую очередь, встал вопрос об идентичности, ее степени выраженности у каждого общества, гражданина. Данная потребность человечества хорошо была освещена в книге американского исследователя С. Хантингтона [1].

Существуют различные ступени идентичности личности: племенная, родовая, региональная, клановая, национальная и т. д. [2, с. 265]. Все зависит от степени доминирования того или иного тождества. На наш взгляд, на степень идентичности народа большое влияние оказывают природно-климатические условия проживания того или иного народа, менталитет, формы ведения основного вида хозяйствования (в данном случае, если разделять на кочевые и оседлые формы). Для кыргызского общества, на наш взгляд, степень родоплеменной тождественности наиболее ярко выражена. Рассмотрим это на примерах.

В современный период вопрос о родоплеменной тождественности активно обсуждается в научных кругах. Степень актуальности вопроса вырос. Достаточно вспомнить политические события 2005–2010 гг. в Кыргызстане, на Украине, в Грузии, современные перманентные события в 2011–2013 гг. в странах Азии и Африки [3]. Последствия революций и государственных переворотов в арабских странах ощущаются до сих пор. Продолжается соперничество племен внутри государства. Результатом политической нестабильности Северной Африки стало разделение государства Судан в 2011 г. (официальное разделение на Северный и Южный), политическая нестабильность в Ливии, Сирии.

Политические катаклизмы в Кыргызстане в 2005, 2010 гг. привели к дезинтеграции общества

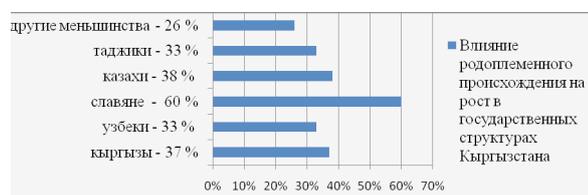
Таблица 1 – Влияние родоплеменного происхождения на рост в государственных структурах

Роль родоплеменного происхождения	Всего	Кыргызы	Узбеки	Славяне	Казахи	Таджики	Другие меньшинства
Существенно значительны	37	35	36	60	38	33	33
В период определенных ситуаций	34	37	33	24	38	33	26
Незначительные	12	13	13	7	13	6	8
Нет	13	13	13	5	11	28	13

в целом. Одной из причин данного политического кризиса в Кыргызстане стало родоплеменное разделение кыргызского традиционного общества, усиление клановых позиций в управлении государством. Географическое разделение государства на Север и Юг привело к крайней нестабильности, революционной ситуации в государстве, обострило национальные противоречия с проживающим этническим меньшинством. На примере таблицы 1 и диаграммы 1 видно, что на доступность карьерного роста в государственных структурах Кыргызстана оказывает родоплеменное деление общества [4, с. 298; 5, с.101–102].

Согласно данной таблице, мы видим, что значительная часть опрошенных (71 %) считают родоплеменной фактор одним из успешных факторов продвижения в государственных структурах Кыргызстана. При этом, представители славянских национальностей степень родоплеменной идентичности кыргызов отмечают ярче всех. Как отмечено в таблице, приверженность кыргызов к родоплеменному делению ярко проявляется в определенные критические периоды. Возможно, это объясняется тем, что в эти периоды консолидированность кыргызского общества заметно возрастает (инстинкт самосохранения, коллективная взаимопомощь и поддержка).

Диаграмма 1

Если окунуться вглубь предшествующих исторических событий, данная характеристика традиционного кыргызского общества – родоплеменная приверженность – это неотъемлемая структура, общественное устройство, стержень нашего социума. Исключение не составляют даже такие

развитые сейчас флагманы восточной экономики в мировом сообществе, как Китай, Япония, Южная Корея. Из стран постсоветского пространства, на Востоке, где общество культивирует жужувую систему, можно выделить модернизированный Казахстан. Таким образом, процесс трайбализации общества, с одной стороны, ведет к его деградации и государственному расколу, с другой стороны – к укреплению государства, интеграции, выработке новых решений, единению традиций и норм восточного общества с современными процессами. Для убедительности рассмотрим примеры данного процесса.

В современный период в странах Востока, в особенности на примере Китая, Японии и Кореи, можно увидеть особенное, уникальное сочетание современного, модернизированного, информационного, техногенного общества с традиционной структурой восточного общества – родоплеменным делением. Государствам удалось заполнить нишу в современном мировом сообществе, где слились воедино историческая память предков, преемственность поколений, традиции и обычаи, уникальность менталитета народа. Все это происходит на фоне развитых современных технологических разработок, культурных достижений, успешных политических новаторских реформах.

К примеру, до недавнего времени в официальной японской юридической документации существовала графа, под названием “хонсеки” (“ко-секи”). Данный пункт указывал на место постоянного проживания и генеалогию родства “семьи”, “фамилии”. Данный документ представлял большую ценность для построения генеалогического древа семьи [6, с. 70]. В связи с тем, что иностранные жители не могли иметь своего “хонсеки”, то японка, вышедшая замуж за иностранца, с точки зрения государства, автоматически причислялась к “главе семьи”. Поэтому данная “родовая необходимость” не смогла реализоваться в современных реалиях. Как мы видим, с учетом развития и интеграции современного общества, произошел некий

естественный отбор культурного наследия традиционного общества. Актуальность составили те, которые смогли приспособиться к вызовам мировой глобализации. До сих пор в этих государствах ценятся статусные отношения, а также свойственные им социальные роли в обществе, почитание пожилых людей, как носителей мудрости, жизненного опыта. Основные принципы религиозных воззрений (конфуцианство, буддизм, синтоизм) сохранили свои черты в идеологии данных государств. На наш взгляд, соединительным звеном между культурно-историческим наследием государств и современными тенденциями развития выступила направленность идеологий государств. На примере Японии, Китая, Кореи мы видим, что основными стратегическими векторами их идеологии выступили значительная концентрация интеллектуального потенциала, передовые научные разработки и открытия, высокая самобытная культура, выработанная идеология. Высокая культура основывается на общественной структуре восточного общества (родоплеменная идентичность, коллективное самосознание) и современных потребностях интегрированного общества. Как мы видим, для обеспечения процветания своего государства индивидуальные интеллектуальные способности каждого гражданина переступают любой порог, от родоплеменной до национальной идентичности.

Типичную параллель можно провести и с восточными странами постсоветского пространства. Родоплеменной, региональный, клановый факторы в республиках Центральной Азии и Кавказе присутствовали всегда: уруу, жузы, тейпы и т. д. Родоплеменная идентичность для восточного мышления выражалась во всех политических, социально-экономических, культурных связях и деятельности. Род выполнял статусно-регулятивную, транслирующую, коммуникативную, интегративную, защитную функции. Род мог регламентировать жизнь каждого члена племени, осуществлять контроль личностно-ценностных мотиваций каждого члена, был институтом преемственности поколений и социального опыта. Род впитал в себя культ расширенной семьи, сопровождающийся высокой степенью идентичности со своим социумом.

На примере одной из ведущих стран Центральной Азии – Казахстана, мы можем утверждать, что родоплеменная идентичность и менталитет, в сочетании с модернизированными подходами в управлении, также могли привести к успешному развитию данного государства. Как отмечает российский исследователь Ю. Солозобов, с помощью племенного балансирования представительство в государственной власти страны, негласного жу-

зового альянса (три жуза – старший, средний и младший), укрепилась внутренняя консолидированность общества [7]. Старший жуз в лице Д. Кунаева, Н. Назарбаева правит Казахстаном. Сформированная таким образом политическая элита Казахстана способствует социально-экономической, политической стабильности государства. В то же время, согласно исследованию казахского ученого Н. Амрекулова, одновременно роль младшего жуза в государственном элитообразовании “уничижается” [8, с.131–145]. Хотелось бы также отметить, что чрезмерное увлечение историей своего государства, тюркской генеалогией в некоторых случаях привело к порождению современных мифологий. Однако, как мы видим, интегрированность казахского общества вместе с жузовым представительством в государственном управлении привела к новаторским процессам. В отличие от вышеупомянутых стран, в стабильности Казахстана сыграла большую роль четкая слаженная схема жузовой преемственности государственной власти. За период суверенитета оформилась богатая политическая элита, которая смогла противостоять сильной президентской власти. Система сдержек и противовесов, как внутри крупных племен, так и с авторитарной властью президента, не отрицаются современным обществом.

В итоге мы можем утверждать, что трайбализм в восточном обществе это действительность. Процесс трайбализации стал источником дальнейшей интеграции общества. Факторы родоплеменной, региональной, клановой идентичности подчеркивают ценность представленных обществ. Их уникальность мы находим в органическом сочетании своих культурных ценностей с современной действительностью. В данном случае предлагается рассматривать трайбализм как объект культурного наследия, политической культурой связей, предложенной польским исследователем П. Залецки [9, с. 449]. Он протекает как естественный общественный процесс, также, как идея, культура, идеология. Кыргызстану необходимо выбрать собственную модель государственного устройства, учитывая национальную, историческую и культурную особенность государства, выработать ряд стратегических приоритетных парадигм для осуществления и сохранения гражданского мира, согласия, целостности, положительного имиджа страны. Для этого необходимо формировать, воспитывать политическую элиту страны, которая была бы свободна от идентичности традиционного общества, приобщаться к нововведениям мировой науки, где единственным фактором идентичности выступают интеллектуальные способности каждого гражданина.

Литература

1. Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО “Транзиткнига”, 2004.
2. Джусупбеков А.К. Этническая идентичность номадов / А.К. Джусупбеков. Бишкек: Илим, 2009. 265 с.
3. Густерин П. Трайбализм в Йемене / П. Густерин. URL: http://arabinform.com/publ/trajbalizm_v_jemene/54-1-0-1075; Сурков Н. Арабский мир обретет консервативное лицо. Антиавторитарные революции обернулись победой политического ислама / Н. Сурков // Независимая газета 02.12.2011. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1322772180>.
4. Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии / П. Залецки. Варшава, 2011.
5. Акматалиев А. Система ценностей современного кыргызстанского общества: опыт социологического анализа (Исследование на 2004/2005 год, до 2000 человек) / А. Акматалиев. Бишкек: Айят, 2009.
6. Ибрагимов А.И. Кыргызы и их генофонд / А.И. Ибрагимов. Бишкек, 1992.
7. Солозобов Ю. Невидимая власть кланов / Ю. Солозобов // Агентство политических новостей – Казахстан”, 2006.10.05. URL: <http://www.apn.kz/opinions/article6214.htm> (дата обращения 29 октября 2012 г.).
8. Амеркулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана / Н. Амеркулов // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9).
9. Залецки П. Политическая культура связей в Центральной Азии / П. Залецки. Варшава, 2011.